

Паоло
Малагути

ФУМАНА

◆◆◆
INSPIRIA

Москва

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
М18

Paolo Malaguti
Fumana

© 2024 Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino
Published by arrangement with Grandi & Associati, Milano.

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с итальянского *Юлии Моисеенко*
Художественное оформление обложки *Екатерины Петровой*

Малагути, Паоло.

М18 Фумана / Паоло Малагути ; [перевод с итальянского Ю. Моисеенко]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Novel. Национальный бестселлер).

ISBN 978-5-04-247697-6

Паоло Малагути — современный итальянский писатель, чья проза тесно связана с исторической памятью, фольклором и магическим реализмом.

Во время великого наводнения 1882 года рождается девочка. Ее мать умирает, а повитуха замечает, что ребенок отмечен судьбой: девочка появилась на свет «в рубашке». Старый рыбак Петролио, как умеет, заботится о внучке. А та, только научившись ходить, сбегает в густой туман, окутывающий болотистую долину, и слушает, как он с ней говорит. С тех пор ее называют Фуманой, что значит «туман».

Фумане предстоит пережить любовь, утраты и обрести дар исцелять людей. Но пока она вырастет, сама долина, давшая ей имя, начинает меняться — и вместе с ней меняется все, что Фумана любит. Чем сильнее рушится привычный уклад, тем настойчивее звучит давний зов тумана.

Это история о женской судьбе, исчезающем мире и таинственной связи человека с землей, которая способна стать и даром, и проклятием.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

© Моисеенко Ю., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-247697-6

«Стригой¹ родятся, а не становятся, ведь эти женщины отличаются от других».

*Мария, крестьянка
(Моргано, 1985)*

«Шлюху легко распознать, а стригу нет: шлюха у всех на виду, а стрига свою природу скрывает».

*Санто, крестьянин
(Кодевиго, 1993)*

«Не здоровайся утром до «Аве Мария» и вечером после «Аве Мария» ни с кем, кто повстречается на дороге: никогда не знаешь, стрига перед тобой или нет».

*Даниэла, домохозяйка
(Бузо, 1991)*

¹ В книге используются два слова для обозначения народных целительниц, и между ними есть важное различие.

Стригоска (*итал.* strigossa) — Фумана и Лена называют себя стригосками спокойно, потому что для них это просто профессия, которой они владеют: знание трав, заговоров, врачевания. Это слово в их устах звучит нейтрально, почти как «лекарка» или «знахарка».

Стрига (*итал.* stria) — это природа, сущность человека, то, с чем рождаются. В глазах суеверных односельчан стрига — не просто женщина, умеющая лечить, а «ведьма», связанная с потусторонними силами. Именно поэтому жители Вольташирокко боятся стриг, а сами целительницы никогда не называют себя этим словом.

Фумана и Лена всегда четко разделяют их в своем сознании: они — стригоски (по профессии), а не стриги (по природе). *Здесь и далее примечания переводчика.*

«Стрига Бетин умерла при пожаре ла-
чуги, где жила. Люди сказали: „Истинный
крест, она была настоящая стрига, потому
что погибла в огне“».

Эльвия, студентка
(Санта-Лучия-ди-Пьяве, 1992)

«Люди говорили: все, кто расчесывает
волосы на ночь, — ведьмы».

Клара, домохозяйка
(Гризиньяно-ди-Дзокко, 1994)

«Плоть вопящая,
кость отданная
и нерв перекрученный».

Заговор костоправки
Элена (Вигодарцере, 1985)

1. С чего все началось

СЕНТЯБРЬ 1882 ГОДА

За старухой пришли, когда уже смеркалось. Но даже если бы день был в самом разгаре, только сумасшедший не отказался бы идти. Старуха, однако, сказала «да», закуталась в черную шаль, взяла свой зонтик и вышла.

Те, у кого была крепкая крыша, поднялись наверх, взяв мешки с мукой, семена, кур и кроликов. А кому-то хватило и дамбы — лишь бы забраться повыше.

Уже две недели вода Адидже застаивалась, пенилась и крушила все, начиная от Анджари и ниже. Паводок перелился в Канальбьянко и прорвал дамбы сначала у Бергантино, а потом у Фрассинелле. Теперь весь участок земли между Адидже и По превратился в сплошное грязевое болото.

Дождь хлестал прямо по голове, заливаясь в уши. Мужчина, шагавший впереди старухи по черному полю, вдруг спросил:

— Не боитесь?

Она засмеялась и ответила:

— Брось, в мои годы бояться лишь одного — зажиться на этом свете.

Серая лачуга растворялась на фоне серого неба. Женщина лежала в хлеву, и ее крики перекрывали

порывы сирокко, под которыми стонали огромные тополя.

Старуха воскликнула:

— Почему ты не отнес ее на крышу?

Мужчина ответил, что боялся повредить нарождающееся создание и что женщина слишком громко кричит.

В этот момент раздался тревожный набат. Колокола гудели где-то далеко — слышалось лишь смутное эхо, которое ветер то подхватывал, то гасил. Впрочем, сомневаться не приходилось: это в Полезелле, выше по течению, перерезали канал Фосса. А значит, вскоре волна паводка придет сюда.

Старуха подумала, что не стоит терять время на разговоры, и вошла. В хлеву с низким давящим потолком, под тусклым светом фонаря, подвешенного к балке, на сене лежала худая и бледная девушка. Она голосила, как мартовские коты, когда дерутся за своих самок, — то приглушенно стонала, то разрывала воздух криком отчаянной боли. А рядом преспокойно жевала корова, время от времени поворачивая морду, чтобы взглянуть на роженицу.

Старуха спросила, потрогав живот:

— Это первый?

Мужчина у нее за спиной кивнул, не моргая округлившимися глазами.

— И ты — отец? — уточнила она.

Он выпалил:

— А кто же, по-вашему? Сын? — и выбранился.

Повитуха (она была стара — седых волос не перечесть, а лет и подавно — и хорошо знала свое дело) даже бровью не повела, сухо ответив, что в та-

ком случае пусть убирается прочь: он и без того уже причинил достаточно вреда.

Потом взяла за руку девушку, изнуренную болью, и сказала:

— Не волнуйся, первый раз всегда так. Потом они сами выпрыгивают.

Девушка закричала еще громче, затем простонала, что больше никогда не позволит мужчине к себе прикасаться, если нужно терпеть эти адские муки.

Повитуха с понимающим видом усмехнулась, утирая пот с ее лба.

— Все вы так говорите. А потом дьявол ухитрится пристроить свой хвост, а мужчины — кое-что другое.

Минуты тянулись медленно. Старуха то и дело бросала взгляд на дверь хлева. Мужчина стоял там и всматривался в темноту окрестных полей — ждал, когда покажется волна грязи.

Наконец роженица совершила последнее усилие. Тогда повитуха, несмотря на долгий опыт, вытаращила глаза и выпалила:

— Господи! С первого же раза! Надо поставить свечу святой Анне за то, что она послала вам такую благодать!

Вскоре младенец подал голос, явно выказывая свое недовольство этой юдолью слез, в которой вдруг оказался.

У матери посинели губы и вновь увлажнился лоб. Она с трудом прохрипела:

— Дай мне ее.

Повитуха засмеялась:

— Ишь ты, а кто тебе сказал, что это девка? — и принялась пеленать ребенка.

— Сама знаю, — ответила мать, принимая сверток.

В этот самый миг поток прорвавшейся крови запачкал сено вокруг. Повитуха схватила девочку и уложила в колыбель, а потом попыталась заткнуть течь, однако ей уже не раз доводилось видеть подобное: кровь была темной, чуть ли не черной, и хлестала без передышки. Оставалось только молиться вполголоса.

Мужчина вернулся, крича, что звонит большой колокол в Адрии, что вода уже близко и надо убираться отсюда любой ценой. Тут он увидел жену с белой тряпкой, закрывшей лицо, и кровь.

Старуха сказала:

— Господь наш сегодня послал тебе радость и горе. Держи крепко и то и другое.

Она показала ему девочку, лиловую от надсадного крика и такую страшную, что будь она вдвое краше — все равно получилась бы страхолюдина; но с черными-пречерными густыми волосами, что, по словам повитухи, сулило в будущем настоящую красоту.

Старуха хотела объяснить отцу, какую благодать получило его дитя, однако мужчина уже не слушал. Он даже не притронулся к дочери. Обезумевший, со стеклянными глазами, он прошипел что-то — ругательство или молитву, поди пойми, — и вышел вон, не обращая внимания на паводок, стремительно заливающий поле.

Повитуха только головой покачала: не бросаться же вдогонку за беглецом.

Она взяла сверток, перевесила его на шею, отыскала деревянную лестницу и вскарабкалась на кры-

шу лачуги — как раз вовремя. После чего всю ночь просидела с раскрытым над головой зонтом, напевая невесть что вместо колыбельных, лишь бы убаюкать бедное дитя, надрывавшееся криком от голода.

На рассвете все вокруг покрылось мутной водой. Наконец по улице кто-то проплыл на лодке, и старуха попросилась на борт. Она сообщила, что в хлеву остались мертвая женщина и живая корова, и велела отвезти себя на большую дамбу, где собралась огромная куча народу. Происходившее больше напоминало бы деревенский праздник, если бы не колокольный набат и вытянутые лица.

Повитуха принялась искать отца, расспрашивала людей... Напрасно. То ли он укрылся в другом месте, то ли был пожран грязью и теперь почивал где-то рядышком со своей женой. Старуха не стала долго об этом раздумывать: ее ждало другое дело. Она нашла священника, поведала ему о несчастье и спросила, остались ли у покойной родные: им нужно сказать нечто важное.

Священник тоже не сомкнул глаз в минувшую ночь, и забот у него было по горло — приглядывать за целой толпой пострадавших. Все же он подробно расспросил, где жила несчастная мать, а потом молвил:

— Это дочь Петролио.

И отвернулся, потому что в такой день следовало заниматься не мертвыми, а живыми.

Разумеется, старуха не сразу кинулась искать этого Петролио — сперва полагалось сделать кое-что поважнее. Она прошла изрядный отрезок дамбы и наконец нашла ту, кого искала. Месяц назад повитуха принимала пятого ребенка у Карлы из Кавец-

ци, чья семья проживала сразу за Вольташирококко, если пройти вдоль Канальбьянко со стороны Смергончино.

Крепкая Карла рожала как по маслу, и мясо с вином у нее не переводились, потому что Кавецци жили на широкую ногу: и земля у них была, и скотина.

Увидев Карлу, сидящую на дамбе посреди своей горластой оравы, повитуха сказала:

— На, заработай себе кусочек рая.

Карла приняла узелок на колени и дала девочке грудь. Малышка тут же перестала хныкать.

— Смотри, как тянет. Есть хотела, бедная. А чья она? — спросила Карла.

— Той, что уже отмучилась, — ответила старуха. Однако потом прибавила: — Ее ждет такая удача, какая нам с тобой и не снилась.

Карла не стала расспрашивать. Во-первых, ей и со своей ребятней хватало хлопот, а во-вторых, повитуха, уладив дело, сразу же удалилась: в те дни слишком многие на этой бедной земле нуждались в ее помощи.

Девочка пробыла у кормилицы меньше недели. Потом пришел дед, тот самый Петролио, которого священник назвал повитухе, и забрал ее.

— Оставьте, она мне не в тягость, — сказала Карла.

Но старик не желал и слушать. Совсем недавно ему пришлось собственными руками хоронить дочь, ведь тот мужлан, отец новорожденной, как выбежал из хлева, так больше ни разу и не показывался.

— У меня теперь только эта, — пробурчал Петролио. — Уж я о ней позабочусь. Козу вот взял.

Он смущенно покосился на пышную грудь женщины и добавил:

— Ну, знаете... для молока.

Затем спросил, сколько женщине причитается за труды, поблагодарил, нахлобучил шляпу. И перехватил узелок, будто сухое полено, приготовленное для печки. Карла испуганно проговорила:

— Если вы собираетесь выкинуть девочку в реку, то лучше оставьте здесь.

Старик поудобнее пристроил внучку на руках и ответил, что просто отвык от этого дела, но уж как-нибудь справится: все же своя кровь. И ушел.

Минули месяцы. Прошло и проклятое наводнение. Дамбы отстроили заново, грязь расчистили, мертвых предали земле. Отслужили мессу, даже устроили крестный ход, чтобы всем миром возблагодарить Господа за то, что Он все уладил. Может быть, насельники неласковой низины и сомневались в душе: есть ли смысл благодарить Господа за то, что буря кончилась, поскольку, если разобраться, Он же ее и наслал. Но в таких делах лучше не вступать с Богом в пререкания — еще, чего доброго, опять осерчает. Словом, люди перекрестились, громко прочитали молитвы от молний и бурь и зажили дальше как придется, надеясь дотянуть до седых волос, не увидев ни одного подобного бедствия.

Об отце девочки больше ничего не слышали. В Вольташирококко мало кто верил в его погибель, хоть наводнение и прокатилось по всем полям. Большинство утверждало, что он нашел себе где-то другую бабу, чтобы и ту загубить — может, в Каварцере, а может, во Франколино.

Другие утверждали, будто несчастный подался в Америку — как, кстати, многие и сделали после наводнения восемьдесят второго года, мечтая сбежать от беспросветной нищеты, затопившей поля.

Так девочка осталась со своим дедом, которого все, включая священника, исстари звали Петролио. Скверное дело — дожить до шестидесяти и обнаружить, что ты теперь вместо отца беспомощному младенцу.

Петролио никогда особенно не везло. Он рано овдовел и с тех пор не женился. Однако никогда не жаловался — вот и теперь не начал. Просто тянул свою лямку.

— Почему вы не отдадите ее в приют? — спрашивали женщины, наблюдая, как Петролио таскается с малышкой туда-сюда по гумнам Вольташи-рокко, словно святой Христофор с Иисусом, как его изображают на фасадах старых церквей.

Старик пожимал плечами, качал головой и от-малчивался.

Всю жизнь его ремеслом была ночная ловля рыбы в здешних лагунах — от Мочениги до Веньеры и до Пападополи. Огромные пространства стоячей воды — где-то пресной, а где-то солоноватой — занимали в те времена почти целиком проклятый клочок земли, где реки чудовищно вязнут в грязи, прежде чем сгинути в море. Точь-в-точь как люди, которые, пока молоды, транжируют дни и недели, а когда замечают, что дошли до края, начинают пятиться и дорожить каждым часом, который им остался.

Все, что было нужно Петролио для жизни, — старый сандоло, больше похожий на ореховую скор-

лупу, нежели на приличную лодку, длинная острога, расходящаяся на конце на множество крючковатых зубьев, да лампа на осветительном керосине. Старик прикреплял ее к носу сандоло, чтобы приманивать лягушек, угрей и линей.

И если с лодкой и острой старик управлялся сам, то керосин приходилось добывать. Поэтому во всех селах, деревнях и гумнах между Адрией и Лорео, когда был базарный день, старик ходил и спрашивал:

— Керосин¹ есть?

Так и прилепилась к нему со временем пахучая кличка.

По правде говоря, это была единственная фраза, с которой он обращался к людям. Старик не ходил ни в трактир, ни в церковь и жил с дочкой на краю Вольташирокко, сразу за необычным изгибом Канальбьянко, который и дал название деревне.

Тут надо сказать, что после наводнения, отнявшего у него дочь и давшего внуку, Петролио душой и телом посвятил себя одному весьма странному крестьянскому бунту, который потом обретет название «ла Бойе». В те дни даже обездоленным на короткий миг показалось: если как следует взяться, то дела можно изменить к лучшему.

У Петролио была куча причин злиться на пьемонтцев, превративших его в треклятого итальяшку. Потому что раньше, при двуглавом орле, он неплохо зарабатывал контрабандой соли и табака туда-сюда через По. Теперь же, когда кругом была Италия, будь она неладна, — и границы отодвину-

¹ Petrolio (*итал.*).